

европа

Иосиф Дискин

РИЗИС...

**И ВСЁ ЖЕ
МОДЕРНИЗАЦИЯ!**

Иосиф Дискин

Кризис... И все же модернизация!

«Европа»

2009

Дискин И.

Кризис... И все же модернизация! / И. Дискин — «Европа», 2009

Книга посвящена одной из самых злободневных проблем – переходу к модернизации России в условиях острого кризиса. В ней рассмотрены современные подходы к модернизации, а также авторское развитие этой теории. Центральное место занимает выявление специфики отечественной версии модернизации, причин кризисов и противоречий на этом пути. Предлагается анализ существа качественных изменений последних десятилетий. Доказывается, что современный кризис предельно остро ставит вопрос: либо Россия, несмотря на кризис, сможет перейти к модернизации, либо ей угрожает национальная катастрофа. Предлагается концепция нового модернизационного проекта – национально-демократической модернизации России. Книга предназначена тем, кого всерьез волнуют судьбы нашей страны.

© Дискин И., 2009

© Европа, 2009

Содержание

Введение	5
Глава I	8
§ 1. Теории модернизации и смежные направления	9
Теоретические сомнения и обобщения	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Иосиф Дискин

Кризис... И всё же модернизация!

Введение

Кризис, пришествие которого так долго предвкушали все враги режима, с которым связывались надежды на крах «чекизма», все явственнее определяет текущую повестку дня. С разных сторон слышны панические причитания. Даже один из видных российских ученых Александр Аузан заявил: «Россия миновала развилку, на которой была возможна модернизация. И сейчас мы от нее удаляемся»¹.

Но такая перспектива вряд ли может быть принята без пристрастного анализа. Прежде всего теми, кого волнуют подлинные интересы России, ее народа. Ведь ясно, что кризис, не ведущий к модернизации, делает вполне серьезным риск национальной катастрофы. Слишком уж велики внешние и внутренние вызовы.

При этом вряд ли следует питать расслабляющие иллюзии, рассчитывать на автоматически очищающее действие кризиса. Ведь для того, чтобы кризис стал лекарством, нужно, чтобы оно соответствовало причинам болезни. Без этого полагаться на такое снадобье было бы абсолютным безрассудством – так можно лишь ускорить катастрофу.

Значит, нужно вникать в сущность российского кризиса, в его специфику, искать пути его превращения в предпосылку российского модернизационного проекта.

Это тем более актуально, что руководство страны, представители разных общественных направлений поднимают вопрос о модернизации нашей страны в качестве первостепенной задачи. И предметом обсуждения становится уже не столько настоятельная необходимость такого проекта, сколько его цели и возможные альтернативы, исходные основания модернизационной стратегии.

Актуальность для России модернизационного проекта в большой мере связана с грозными вызовами будущего. Трансграничное геополитическое и цивилизационное положение нашей страны, ее контроль над целым рядом ресурсов превращают ее в объект для самого серьезного давления. (Борьба за эти ресурсы, по мнению большинства экспертов, составит существо мировой политики первой трети XXI века.) И при проявлении хоть какой-либо слабости дело не ограничится *soft power*. Уже сегодня виден рост силовой проекции, возрождение всех калькуляций холодной войны. Противостояние – не наш выбор, но представляется, что агрессия Грузии была лишь первой пробой сил.

Для ответа на растущие угрозы необходима стратегия наращивания российской мощи. Это должна быть серьезная, основательная стратегия, оценивающая реальные и отсекающая мнимые угрозы. Переоценка угроз так же опасна, как и их недооценка. Страшный урок СССР, рухнувшего, среди прочего, под грузом непосильной гонки вооружений, тому пример. Это важный императив нашей стратегии модернизации.

Одновременно имеются и мощные внутренние императивы модернизации. Последние годы сформировали у большинства населения представления о «нормальном» образе жизни. Разрыв между этими представлениями и реальной социально-экономической ситуацией, проще говоря жизнью в кризисе, будет оставаться мощным фактором напряженности.

Кризис подстегнул опасения многих потерять недавно обретенное благополучие. Даже поддержание социально-политической стабильности требует высоких темпов развития. Вспом-

¹ Аузан А. Национальные ценности и российская модернизация: пересчет маршрута. Публичные лекции «Полит Ру». www.polit.ru

ним Льюиса Кэрролла, «Алису в стране чудес»: «Здесь, чтобы стоять на месте, нужно быстро бежать». Индикатором являются растущие притязания наиболее активной части населения, прежде всего молодежи. Их императив – не предмет обсуждения. Либо им дадут возможность принять участие в захватывающем приключении – в созидании «новой России», где их ждет подлинный успех, либо good buy Russia (как в прямом, так и в переносном смысле).

Либо Россия будет великой, либо ее не будет вовсе (в качестве значимого геополитического и социально-политического субъекта). Но величие России сегодня – это уже не только и не столько могущество силы, но возможности развития для всех и для каждого.

Сегодня концепции модернизации, развития в целом, претендующие на универсальность или, по меньшей мере, на широкое распространение, становятся одним из серьезных инструментов soft power, признаков великой державы. Без выдвижения собственной модели модернизации, без демонстрации успеха на этом пути притязания на роль одного из глобальных игроков неосновательны. Американский и китайский проекты «на столе». Европа явно стремится выдвинуть свой. А что Россия? Выдвижение собственного оригинального проекта – аргумент в глобальной гонке.

Для создания содержательной концепции развития России нам необходим свежий взгляд на теорию модернизации, ее проекция на актуальные отечественные проблемы. Но понимание проблемной ситуации, не допускающее нового мифотворчества, может возникнуть лишь при просеивании через сито теоретического анализа. Это значит, что при всем современном недоверии к теоретизированию как чему-то смутному и непрактичному, нам не обойтись без выстраивания опорной теоретической схемы, способной выдержать непростой процесс концептуализации модернизационного прорыва². Для выстраивания национальной стратегии нам необходима локализация теории модернизации применительно к специфике проблем развития России. Необходимо выявить проблемы, актуальные для нашей страны, и сопоставить их с теми, которые уже обсуждались в рамках этой теории. Многие ловушки и провалы зарубежных модернизационных проектов были обусловлены, прежде всего, ошибочным диагнозом, слабым проникновением в подлинное существо проблем, стоявших перед этими странами.

Фокус данной работы – показать, **что многие проблемы нашего современного развития, включая причины текущего кризиса, проистекают из недостаточного понимания характера отечественного развития**. Корни наших проблем уходят в прошлое и тесно сплетены с предшествующими попытками модернизации России. С учетом этого полезно в явном виде прописать эту специфику развития – это позволит соотнести наши представления о ней с конструктами теории модернизации, встроив, тем самым, развитие России в общий контекст этих теорий. Понимание специфики также избавит нас от неконструктивного мифа о российской исключительности, лишаящей нас какой-либо возможности использовать плоды предшествующего теоретического анализа. Определение специфики отечественного развития повысит также предсказательные возможности нашего теоретизирования. Развитие теории модернизации и, шире, анализа проблем развития и выявления причин неразвитости позволяет предвидеть многие грядущие проблемы.

В данной работе читателю предлагается подход, позволяющий различать принципы модернизационных проектов, оценивать последствия их реализации. Их важная черта – отношение к предшествующему развитию, социально-историческому контексту в целом. Принципиально важна опора таких проектов на разные идеологические доктрины или, напротив, на практику реальной жизни.

В центре обсуждения стоит исчерпанность прежней концепции развития, основанной на силовом воплощении в жизнь идейно вдохновленных проектов. Ставится

² Более развернутый теоретический анализ представлен в: Дискин И. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН, 2008.

задача обосновать необходимость смены модернизационной парадигмы, в рамках которой в течение длительного времени развивалась Россия, перехода к новой, органичной модели модернизации, соответствующей кардинальным социальным переменам, произошедшим в нашей стране за предшествующие десятилетия.

Многие процессы, задающие рамки модернизационных проектов, обладают очень длительными трендами. Однако инерция часто порождает серьезные противоречия в экономике, политике и социальной жизни страны. Модернизационный проект и нужен тогда, когда инерция чревата серьезными угрозами, когда необходимо решительно менять траекторию развития.

Поворот к наиболее привлекательной стратегии модернизации очень непросто, для его осуществления необходима мобилизация социальных и политических усилий активной части общества, и шансы на успех зависят от позиции политического класса страны. Прагматические интересы отечественного политического класса, которые все жестче сопряжены с успехом российского модернизационного проекта, являются тем обстоятельством, которое вселяет сдержанный оптимизм в возможность его осуществления.

Модернизационный проект может опираться на поддержку тех слоев населения, которые и способны, и заинтересованы в рациональной оценке практики социальной, политической и хозяйственной жизни страны. Именно поэтому в книге уделяется внимание тем кардинальным, в строгом смысле историческим макросоциальным изменениям, которые произошли в России. Хочется убедить читателя, что впервые в истории нашей страны сложились массовые слои и группы населения, основывающие свою социальную практику на индивидуальных ценностях и рациональном выборе – по существу, это «новая Россия». Ценности и представления таких групп с необходимостью могут, и в определенной мере должны, стать ориентирами нового модернизационного проекта. Более того, характер ценностей, наиболее значимых для групп, составляющих «новую Россию», задает и качественное измерение такого проекта – **национально-демократической модернизации**.

В работе предлагается видение сущности, принципов и задач национально-демократической модернизации, ее социальных, государственных и экономических компонент. Это видение не претендует на роль целостной модернизационной стратегии России. Разработка такой стратегии – задача, требующая длительных коллективных усилий. Тем не менее задача этого исследования – представить читателю материал для последующей дискуссии по столь важной проблеме, как российский модернизационный проект.

Цель данной книги – убедить читателя, что модерн в России – незавершенный проект. И если читатель готов при поддержке аргументов автора к непростой и часто раздражающей работе прояснения пути между Сциллой кризиса и Харибдой российской модернизации, тогда вперед, давайте попробуем совместно проделать эту трудную работу. Может быть, она поможет ответить на те вопросы, которые читатель уже не раз задавал себе сам.

Глава I

Российская модернизация: теоретические подходы и анализ специфики

Разработка проекта российской модернизации требует хотя бы краткого обзора истории соответствующих теоретических воззрений. Этот обзор включает в себя как теорию модернизации, так и смежные научные направления, которые, хотя формально и не принадлежат к теории модернизации, но рассматривают близкие предметы. Отграничение соответствующих подходов от теории модернизации было обусловлено, как мы увидим ниже, исходными идейно-политическими представлениями исследователей. Для нас важно, что выводы этих смежных направлений могут послужить средством обсуждения проблем развития нашей страны.

Важное место в нашем анализе занимает рассмотрение макросоциальных трансформационных процессов, выступающих в предлагаемом подходе ограничительными рамками развития, предопределяющими его альтернативы. В центре внимания нашего анализа – рассмотрение специфики российской модели модернизации, выявление той парадигмы, которая доминировала в отечественном развитии. При этом необходимо объяснить социально-исторические причины такого доминирования, так как на характер функционирования всей нашей институциональной среды, на причины возникновения волнующего нас кризиса существенно повлияли те же причины.

§ 1. Теории модернизации и смежные направления

Теории модернизации возникли в 60-х годах XX века в ходе борьбы с марксизмом за влияние в третьем мире. Именно это обстоятельство отделило теорию модернизации от смежных направлений, развивавшихся на базе «неприемлемых» идеологий.

Ранние теории модернизации реконструировали историю развития Запада и базировались на либеральной вере в гарантированный прогресс, а также в универсальность американских ценностей, которые распространятся во всем мире.

Только к середине 80-х годов, когда был накоплен как положительный, так и кризисный опыт большого числа стран третьего мира, реализовавших разнообразные проекты развития (как по западному, так и по социалистическому образцу), сложились теоретические представления, пригодные для обоснования относительно внеидеологизированной модернизационной политики. К этому же периоду относится и философское осмысление этой теории, которое позволило расширить пространство анализа, включив в него практически все страны мира, а не только развивающиеся. Результатом осмысления стало превращение понятия «модернизация» в предмет анализа для представителей дисциплин, с разных сторон рассматривавших практику развития «новых» стран и анализировавших причины успехов и провалов соответствующих проектов развития.

По оценке Юргена Хабермаса: «Теория модернизации придает веберовскому понятию “модерн” характер абстракции, имеющей большие последствия. Оно отделяет модерн от его истоков – Европы нового времени – и стилизует его как образец для процесса социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении. Кроме того, доктрина модернизации разрывает внутренние связи между модерном и историческим контекстом западного рационализма, поэтому процессы модернизации отныне не воспринимаются в качестве рационализации, как историческая объективация разума»³. Следует отметить, что генезис такого понимания восходит к Карлу Марксу, отмечавшему, что: «Дело <...> не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁴.

Сегодня различие позиций в отношении политики развития базируется на соответствующих теориях модернизации или, более широко, на теориях развития, выступающих обоснованиями внутри– и внешнеполитических стратегий. Сегодня, как и полвека назад, борьба за выдвижение наиболее убедительной и привлекательной теории развития становится важной частью soft power, конкуренции между глобальными центрами влияния.

В рамках этой проблематики сложилось значительное количество направлений и концепций, различающихся как дисциплинарным подходом, так и предметным фокусом. Ниже приводится структура наиболее значимых теоретических подходов (без претензий на их исчерпанность).

³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 8.

⁴ Маркс К. Капитал. Том 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 6–9.

Общим для всех **теорий модернизации (теорий отставания, догоняющего развития)** является представление, что причины неразвитости связаны с внутренними факторами, такими как неграмотность, традиционное аграрное общество, традиционные ценности и ожидания населения, слабое разделение труда, недостаток коммуникаций и инфраструктуры. Различия в структуре и историческом пути мало принимались во внимание, внешние влияния игнорировались. Такой подход, вполне очевидно, снимал вопрос об ответственности колониальных держав и возлагал эту ответственность на власти «новых» государств. При этом исходным было представление, что существуют общие законы Прогресса и образец, задаваемый развитыми странами, рано или поздно будет реализован.

Теория модернизации рисует линейную модель, в континууме которой располагаются как развитые, так и еще «недоразвитые» страны. Она, таким образом, фиксирует уровень «отставания», преодоление которого и является целью модернизации. Соответственно мера «модернизации» и ее средства – качество производственной инфраструктуры, потребность в капитале, масштаб трансферта ноу-хау. Развитие – повышение производительности и эффективности – измеряется, прежде всего, показателем ВВП на душу населения. Легко увидеть сходство такого подхода с тем, который лежал в основе советской модернизации (и продолжает оказывать влияние на современные представления).

«Дуалистические теории» предполагают расщепление экономических и социальных структур на «модернизованный» и «традиционный» сектора.

«Традиционный» характеризуется малоразвитым и малоразмерным сельским хозяйством, ремесленничеством, мелочной торговлей – эти сектора мало связаны между собой и развиваются по собственным законам.

«Модернизованный» сектор может рассматриваться как эксклав развитых стран, которые и получают основные выгоды от его развития. Но развитие этого сектора не влияет на эволюцию «традиционного».

Развитие (в представлении этой концепции) означает поглощение «традиционного» сектора в ходе концентрации и развития «модернизованного». Следовательно, главная проблема – масштабы и скорость экспансии «модернизованного» сектора.

Сельское хозяйство должно предоставить для этого ресурсы: труд и капитал. Предлагаемая картина легко применима не только к нашему прошлому, но и к современности. Россия включает огромные территории, где еще доминируют традиционные формы жизни и хозяйствования.

«Стратегические теории» объясняют неразвитость как результат действия замкнутого круга факторов. Низкий уровень доходов населения в развивающихся странах – результат низкого уровня производительности труда. В свою очередь низкий уровень – следствие дефицита капитала, который является следствием низкого уровня сбережений населения. А тот – результат низкого уровня доходов. Круг замкнулся. Данные теории рекомендуют разрывать этот круг в какой-либо критической точке – ее выбор варьируется в зависимости от конкретного варианта теории. В этой связи вспоминается подход **Сергея Витте**, который стремился ускорить развитие России за счет привлечения иностранных капиталов и технологий. Сходные проблемы и сегодня стоят перед некоторыми регионами России.

Анализ модернизационных проектов показывает, что критическая точка в условиях узкого рыночного спроса – дефицит инвестиций и, следовательно, возможность их мобилизации. Если капитал доступен, инвестиции будут сделаны. Априори предполагается, что традиционное общество готово к изменениям и хочет рациональных инвестиционных решений. Но опыт целого ряда развивающихся стран опроверг этот тезис. Даже при доминировании вестернизированных элит наиболее вероятно, что это путь к складыванию небольшого модернизированного сектора, погруженного в преобладающий «традиционный», – то есть к дуальной модели.

При ином подходе критической точкой считается не дефицит капитала, но недостаток готовности предпринимателей. Потенциальным предпринимателям препятствуют институциональные факторы, и для преодоления недостатка готовности требуется формирование мотивации, а также давление власти, приводящее к необходимым инвестиционным решениям. Последние, согласно **Альберту Хиршману**, обеспечиваются не сбалансированным ростом, а различными дисбалансами, которые создают источники возможных доходов и потерь⁵ и которые должны поддерживаться в качестве инструментов развития. Инвестиции будут распространяться не равномерно, а, наоборот, концентрироваться в таких проектах, где дополнительные вложения могут реализовать свои преимущества при поддержке предпринимательской готовности. Использование дисбалансов может обеспечивать импортозамещение. В качестве примера создания такого дисбаланса в нашей стране вспомним установление барьеров на ввоз старых легковых автомобилей – результатом стал резкий рост инвестиций в автосборку.

Теория «стадий экономического роста», хорошо известная российским читателям, объясняет процессы экономического развития с точки зрения экономической истории.

Уолт Ростоу вводит пять стадий экономического роста, которые проходит каждое общество⁶. Так, в «традиционном обществе» более 75 процентов населения занято в производстве продовольствия, политическая власть принадлежит землевладельцам или централизованному государству, поддержанному армией или чиновниками. «Переходная стадия» создает предпосылки для стадии «отрыва» через проведение кардинальных изменений в непромышленных секторах. Растет экспорт сырья, возникает новый класс предпринимателей, среди элит распространяется привнесенная извне идея экономического прогресса. Накапливаются новые методы хозяйствования, формируются предпринимательская готовность и «истории успеха». На этой стадии происходит резкий рост уровня инвестиций, сопровождающийся радикальными изменениями в технологиях. «Гонка к зрелости» распространяет рост от лидеров к другим секторам, широко применяются современные технологии. Завершающая стадия – «высокого массового потребления» – наступает после достижения определенного уровня национального дохода и формирования экономической политики, направленной на повышение личного потребления.

Впрочем, это «расписание развития» слабо объясняет, почему некоторые общества идут вперед, а другие – нет. Эта теория также уделяет мало внимания институциональному изменению развития.

Роль центров регионального развития находится в фокусе и является побудительным мотивом **теории «полюсов развития»**. Так, региональная концентрация помогает извлекать выгоды технологически продвинутым внешним экономикам и делает региональные центры привлекательными для предпринимателей, что стимулирует дальнейшее развитие. (Временные региональные дисбалансы используются для стимулирования развития.) При этом не ясно, как обеспечить распространение развития из центров в провинции, а без него «полюса» развития могут превратить экономику в «дуальную».

Гуннар Мюрдаль указывает, что социальные системы и экономические процессы не развиваются в условиях равновесия⁷. Напротив, неравновесие порождает позитивные или негативные циклы. В условиях *laissez-faire* для развивающихся стран преобладает формирование негативных циклов.

В принципе Мюрдаль отрицает объяснение проблем развивающихся стран лишь экономическими факторами – социальные отношения должны быть инкорпорированы в теорию. Анализ реальной практики показывает, что использование либеральных подходов в реформи-

⁵ Hirschman A. The strategy of economic development. New Haven, 1958.

⁶ Rostow W. The stages of economic growth. Cambridge, 1960.

⁷ Myrdal G. Economic theory and underdeveloped regions. London, 1957.

ровании экономики в условиях слабого распространения либеральных ценностей среди населения приводит к результатам, далеким от исходного замысла.

Макросоциальные (социально-психологические и социокультурные) теории рассматривают ценности в качестве главных факторов неразвитости и развития. Одна из ранних и одновременно наиболее известных концепций такого рода принадлежит **Максу Веберу**⁸.

Согласно Веберу, протестантизм явился предпосылкой развития капитализма по двум причинам: протестантская этика, во-первых, утверждает аскетизм, который способствует сбережениям и последующим инвестициям; во-вторых, она базируется на рационализме и поведении, ориентированном на достижение цели (целерациональное поведение). То есть Вебер показал механизм формирования той самой предпринимательской готовности, значение которой отмечалось выше.

Позже **Толкотт Парсонс** и **Нейл Смелзер** объясняли экономическое развитие результатами напряжений и волнений в обществе⁹. Если в традиционном обществе опыт экономической активности, достижения привносятся извне, то дифференциация влечет напряжения и волнения.

Джон Маклелланд связывает уровень развития с достижительской мотивацией, а **Эрик Хаген** пытается объяснить причины различий в достижительской мотивации между обществами, их классами и стратами¹⁰. Часть из них становятся на инновационные позиции, и если соответствующие личности и группы приобретают в обществе доминантные позиции, то этот процесс становится фактором развития. Поскольку структура мотиваций различных групп влияет на перспективы развития, то успех модернизации в большой мере зависит от того, насколько создаваемая институциональная среда способна поддерживать модели активности, то есть вобрать в себя социальные ресурсы развития.

Согласно **теориям «зависимого развития»** причина неразвитости стран третьего мира – их зависимость от индустриально развитых стран. Прогресс развитых стран и неразвитость развивающихся – части одного исторического процесса. *Неразвитость – не есть отставание, но намеренное «понижающее» развитие.*

Теории зависимости концентрируются на происхождении зависимости, но стратегиям ее преодоления уделяют мало внимания. Имплицитно развитие означает освобождение, конец структурной зависимости и обретение независимости, создающих условия для преодоления структурных деформаций и других препятствий развитию.

Структура спроса и предложения промышленно развитых стран, с одной стороны, и развивающихся – с другой, приводит к тому, что развитые страны способны извлечь преимущества из внешней торговли. Такой трансферт ресурсов делает развитие невозможным, и неравенство в торговых отношениях рассматривается как источник неразвитости. Технический прогресс в производстве промышленных товаров не только позволяет развитым странам повышать их доходы и уровень жизни населения, но также поддерживать высокие цены. Ситуация в развивающихся странах противоположная: технический прогресс в большинстве случаев приводит к снижению цен. Этот механизм ведет к ухудшению условий торговли между развитыми и развивающимися странами (так же как и между промышленным и аграрным секторами в развивающихся странах)¹¹.

⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1999.

⁹ Parsons T. Gesellschaften, evolutionäre und komparative Perspektiven. Frankfurt, 1975; Smelser N. Theory of collective behavior. Glencoe, 1963.

¹⁰ McClelland D. The achieving society. Princeton, 1961; Hagen E. On the theory of social change – how economic growth begins. Homewood, 1962.

¹¹ Myint H. The gains from International trade and the backward countries // Review of economic studies. XXII. 1954–1955. P. 129–142; RAO, V.K.R.V. investment, income and the multiplier in an underdeveloped country // The economics of underdevelopment / ed. by Agarwala A., Singh S. London, 1971. P. 205–218.

Черты таких представлений заметны и на российской почве в виде тезиса о России как «сырьевом придатке».

Неизменная структура предложения развивающихся стран усиливает структурную зависимость и препятствует росту. Это уже не развитие, но только «ущербный рост». В ответ **Бхагвати** предлагал проводить ускоренную индустриализацию, включая создание тяжелой промышленности для крупных стран¹². Здесь следует вспомнить о том, что советская стратегия модернизации исходила из схожих приоритетов задолго до рекомендаций этой теории. Однако такие рецепты лечения структурных перекосов чреваты снижением эффективности соответствующих инвестиционных проектов, падением производительности в тех секторах, которые питают индустриальные проекты. Главный вопрос такой стратегии – готовность принимать ее издержки ради разрыва замкнутого круга «ущербного роста». При этом следует помнить об опасности другой крайности: угроза снижения эффективности подобных проектов не должна стать барьером на пути структурных преобразований как таковых.

Теории «империализма» объясняют, что доминирование развитых стран над неразвитыми территориями – результат различий в экономическом и технологическом уровнях и силовых возможностях. Различные версии таких теорий предлагают свои объяснения причин экспансии развитых стран, но эти причины – всегда результат невозможности справиться с последствиями постоянных технологических инноваций и их результатами для соответствующих обществ.

Отечественный читатель старшего поколения хорошо знаком с *Классической теорией «империализма»*¹³. Заинтересованность в максимизации прибыли – причина роста производства, превышающего спрос внутреннего рынка, ведет к формированию новых рынков на неразвитых территориях. Капитал, вкладываемый в неразвитые территории, инвестируется не в соответствии с нуждами этих стран, но в соответствии с интересами развитых стран. Трансферт прибыли в такие страны развивает их за счет эксплуатации неразвитых территорий. Впрочем, эти тезисы были эмпирически опровергнуты. Новая теория «империализма» постулирует теорему «зависимости» вместе с новым объяснением отношений эксплуатации. Современная фаза отношений между индустриальными и развивающимися странами может быть названа «промышленно-технологической зависимостью». Промышленно развитые страны, инвестируя в производство и экспорт сырья в развивающихся странах, тем самым усиливают свое влияние на условия торговли и сохраняют сложившееся разделение труда.

При анализе различных проектов экономической интеграции – составной части рассматриваемого модернизационного проекта – важно обращать внимание на то, чтобы они не давали возможности нашим партнерам получать односторонние преимущества. Хотя для нашей экономики важно получение выгод от создания такого союза, даже при том, что доходы наших партнеров окажутся относительно больше.

Теории «зависимости» предполагают, что внешняя зависимость развивающихся стран делает возможной их эксплуатацию. Сторонники этой теории утверждают, что внешняя зависимость неизбежно влечет за собой внутреннюю структурную деформацию, которая воспроизводит внешнюю зависимость¹⁴. Асимметричная интеграция влечет за собой структурные изменения в периферийных обществах, экономически ориентированных на потребности промышленно развитых стран и на финансовую зависимость традиционного сектора от экспортоориентированного. Элиты принимают нормы и ценности развитых стран и сотрудничают с ними в поддержании status quo.

¹² Bhagwati J. Immiserizing growth. A geometrical note // Review of economic studies. XXV (3). № 68. 1958. P. 201–205.

¹³ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. Т. 27. С. 299–426

¹⁴ Santos T. Über die struktur der abh ngigkeit // Imperialismus und strukturelle Gewalt / Senghaas D. (Ed.). Frankfurt, 1972. P. 243–257.

Неразвитость с этой точки зрения – не этап на пути к индустриализации, но неизбежное последствие капитализма, пренебрегающего своей социальной ответственностью за положение тех стран, которые он ранее втянул в орбиту глобализации.

Теория зависимости не фокусируется на стратегии развития, за исключением требований структурных изменений, независимости и участия. Однако стратегия «автоцентрического» развития стремится преодолеть этот недостаток. Развитие должно базироваться на локальных ресурсах. Временное отгораживание от мирового капиталистического рынка, если оно возможно, полагается полезным и даже необходимым. Здесь цель – реформа внутренней социально-экономической структуры и, впоследствии, восстановление международных отношений на новых равноправных условиях.

Читатель легко может увидеть сходство этих воззрений с позициями германской исторической школы, которые стали основой политики **Отто Бисмарка** и вдохновляли **Сергея Витте**. Видно также его сходство с рядом наших концепций «суверенной экономики», выступающих за регулируемую автаркию, обеспечивающую «реиндустриализацию» российской экономики. Хотя эта линия явно базируется на китайском и танзанийском опыте, высокий уровень абстракции делает ее довольно трудно выполнимой. Главное здесь – вопрос меры, соотношения выгод и издержек, а также политической воли, всегда необходимой для проведения сложной стратегии – модернизационных проектов.

Теоретические сомнения и обобщения

Все обсуждавшиеся выше теоретические подходы характеризуются явной и отчасти намеренной односторонностью. Каждый из них объясняет некоторый определенный аспект, но не дает полной картины причин неразвитости. Вместе с тем эти локальные концепты выявили большое количество подводных камней, обрекающих проект в целом на неудачу – следует помнить, что за каждой из теорий стоят гигантские социально-политические трагедии. Накопленные за последние годы материалы анализа многих модернизационных программ показали явную взаимосвязь между кризисами в их реализации, с одной стороны, и недостатками их теоретической базы – с другой. Проблемы кроются в самом исходном представлении, из которого исходили архитекторы преобразований.

Модернизационные теории подвергались концептуальной критике. Сначала выяснилось, что идеи «азиатского чуда» (экономическое развитие, опережающее демократизацию) и специфическая конфигурация азиатских ценностей (достижительность, высокая дисциплина при низком индивидуализме) могут проложить дорогу в будущее. Однако последующие экономические кризисы быстро положили конец первоначальной эйфории. Затем сказались разочарования, преобладающие в посткоммунистических странах в силу того, что они не справились с одновременным развитием экономики и демократии в условиях либерализации рынка.

Следует выделить два направления критики модернистских теорий. **Иммануил Валлерстайн** выставил строгий счет антикапиталистическим движениям, отметив их неконструктивность¹⁵. Но он же указал на отсутствие перспектив современного капитализма. Он предсказывает приход «глобальной анархии», темный период борьбы между основными акторами мировой системы, исход которой неизвестен и не определен. **Шмуэль Айзенштадт** рисует картину «множественной модерности», не имеющей видимой тенденции к конвергенции. Его воззрения созвучны известной концепции «конфликта цивилизаций», но вывод Айзенштадта более масштабный¹⁶. Он предвидит несколько «современных цивилизаций», даже базирующихся на идеях фундаментализма и движениях национал-коммунизма.

¹⁵ Wallerstein I. Entering global anarchy // New Left Review. 2003. P. 27–35.

¹⁶ Eisenstadt S. (1999) Multiple modernities in an age of globalization. 1999. P. 37–50.

Некоторое время назад теоретики политического развития предложили схемы, согласно которым, в развитие представлений **Макса Вебера** и **Толкотта Парсонса**, появление и консолидация демократических режимов в решающей степени зависят от появления и консолидации определенных индивидуалистических ценностей.

Результаты широкого переосмысления теоретических основ модернизационного процесса связывают со стадией неомодернизационного анализа¹⁷.

Эдвард Тиракьян суммирует представления о процессах модернизации следующим образом:

1. Модернизация – результат действий индивидов и коллективов – не продукт автоматического развития системы.
2. Это требует новых путей достижения их целей, осуществления их ценностей; но будут ли эти цели достигнуты, зависит от располагаемых ресурсов.
3. Модернизация – не консенсусный процесс, но конкуренция между модернистами, консерваторами и наблюдателями.
4. Наука – главная движущая сила, но религия и традиции не должны недооцениваться.
5. Общий критерий модернизации – развитие благосостояния всего населения.
6. Центры модернизации могут изменяться и сдвигаться.
7. Модернизация – нелинейный процесс, она включает в себя циклы и кризисы.

Подобный взгляд в существенной мере меняет прежние линейные представления о модернизации. В повестку дня оказались внесены радикально иные подходы к самому процессу. Малайзийский премьер **Мохамад Махатхир**, например, был предельно четок в своем заявлении о том, что азиатские страны могут и должны проводить «“модернизацию” без принятия всех или хотя бы части ценностей европейской цивилизации»¹⁸.

Налицо явная тенденция к преодолению узко понимаемого экономического подхода, к интеграции более широких представлений о путях экономического и социального развития. Стало очевиднее, что модернизация не чудодейственное средство, позволяющее одним махом преодолеть проблемы развития, накапливавшиеся длительное время. Проблема внутренних культурных, исторических, социальных ограничений в реализации модернизационных проектов постепенно перемещалась в центр внимания исследователей, а также политиков, готовых считаться с реальностью.

Модернизация всегда представляет собой некий политический проект, а не продукт предшествующего «естественного» развития. Проекты, подаваемые как технократические, политически нейтральные, на деле далеко не таковы. Продвигающим их политическим силам зачастую не с руки акцентировать идеологическую и политическую подоплеку преобразований. При определении целей таких проектов ключевое значение приобретают представления о причинах неразвитости, которые формируются в ходе идейно-политической подготовки накату старта модернизационного проекта.

¹⁷ Tiryakian E. Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as process. 1992. P. 78–96.

¹⁸ Цит. по: Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2005. С. 235.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.